

# ПѢСНЬ ВТОРАЯ.



Соперники въ искусствѣ брани,  
Не знайте мира межъ собой;  
Несите мрачной славѣ дани,  
И упивайшесь враждой!  
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,  
Дивясь грознымъ поржеспвамъ:  
Никпо о васъ не пожалѣетъ,  
Никпо не помѣшаетъ вамъ.  
Соперники другаго рода,  
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,  
Спарайшесь не смѣшивъ народа  
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;  
Бранишесь — только оспорожно.  
Но вы, соперники въ любви,  
Живите дружно, если можно!  
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:

Кому судьбою непремѣнной  
 Дѣвичье сердце суждено,  
 Топь будетъ миль на зло вселенной;  
 Сердисься глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,  
 Глухимъ предчувствіемъ помимый,  
 Оспавя спутниковъ своихъ,  
 Пустился въ край уединенный  
 И въхаль межъ пустынь лѣсныхъ,  
 Въ глубокую думу погруженный —  
 Злой духъ превожилъ и смущалъ  
 Его тоскующую душу,  
 И выпязь пасмурный шепталъ:  
 « Убью!.. преграды всѣ разрушу...  
 Русланъ!.. узнаешь ты меня...  
 Теперь-то дѣвица поплачетъ... »  
 И вдругъ, поворопивъ коня,  
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,  
 Все упрю сладко продремавъ,

Укрывшись опть лучей полдневныхъ,  
У ручейка, наединѣ,  
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,  
Обѣдалъ въ мирной пишинѣ.  
Какъ вдругъ, онъ видишь: кто-то въ полѣ,  
Какъ буря, мчится на конѣ;  
И, времени не прапя болѣ,  
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,  
Копье, кольчугу, шлемъ, перчапки,  
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки  
Лепишь — а топтъ за нимъ во слѣдъ.  
« Остановись, бѣглець безчестный! »  
Кричишь Фарлафу неизвѣстный.  
« Презрѣнный, дай себя догнашь!  
Дай голову съ тебя сорвашь! »  
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,  
Со страха скорчась, обмираль,  
И, вѣрной смерпи ожидая,  
Коня еще быстрѣе гналь.  
Такъ почно заяць поропливой,  
Прижавши уши боязливо,  
По кочкамъ, подемъ, сквозь лѣса

Скачками мчишься отъ пса.  
На мѣстѣ славнаго побѣга  
Весной расплещеннаго снѣга  
Попоки мушныя текли  
И рыли влажную грудь земли.  
Ко рву примчался конь репивою,  
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлою гривой,  
Бразды спальные закусилъ  
И черезъ ровъ перескочилъ;  
Но робкій всадникъ вверхъ ногами  
Свалился шпачко въ грязный ровъ,  
Земли не взвидѣлъ съ небесами,  
И смертьъ принявъ ужъ былъ готовъ.  
Рогдай къ оврагу подлепаешь;  
Жестокой мечъ ужъ занесёнъ;  
Погибни, прусь! умри! вѣщаешь...  
Вдругъ узнаешь Фарлафа онъ;  
Глядишь, и руки опустились;  
Досада, изумленье, гнѣвъ  
Въ его чертахъ изобразились;  
Скрыпя зубами, онѣмъвъ,  
Герой, съ поникшею главою

Скорѣй опьѣхавъ око рва,  
Бѣсился... но едва, едва  
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣпилъ подъ горой  
Спарушечку чупь-чупь живую,  
Горбашую, совсѣмъ съдую.  
Она дорожною клюкой  
Ему на сѣверъ указала.  
Ты памъ найдешь его, сказала.  
Рогдай весельемъ закипѣль  
И къ вѣрной смерти полешѣль.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,  
Дохнуть не смѣя; про себя  
Онъ, лежа, думаль: живъ ли я?  
Куда соперникъ злой дѣвался?  
Вдругъ слышишь прямо надъ собой  
Спарухи голосъ гробовой:  
« Вспань, молодець; все шихо въ полѣ;  
« Ты никого не встрѣпишь болѣ;

« Я привела тебѣ коня;  
« Вставай, послушайся меня. »

Смущенный выпязь по неволѣ  
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;  
Окрестность робко озирая,  
Вздохнулъ и молвилъ оживая:  
« Ну, слава Богу, я здоровъ! »

« Повѣрь! спаруха продолжала:  
« Людмилу мудрено сыскашь;  
« Она далеко забѣжала;  
« Не намъ съ побой ее досташь.  
« Опасно разъѣзжашъ по свѣпу;  
« Ты, право, будешь самъ не радъ.  
« Послѣдуй моему совѣпу,  
« Спупай пихохонько назадъ.  
« Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,  
« Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ  
« Останься лучше безъ заботъ:  
« Опъ насъ Людмила не уйдѣшь. »



Сказавъ, исчезла. Въ неперпѣльѣ  
Благоразумный нашъ герой  
Топчась опправился домой,  
Сердечно позабывъ о славѣ  
И даже о княжнѣ молодой;  
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,  
Полешъ синицы, ропощъ водъ  
Его бросали въ жаръ и въ попь.

Межь шѣмъ Русланъ далеко мчипся;  
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей  
Привычной думою спремипся  
Къ Людмилѣ, радости своей,  
И говоритъ: « найду ли друга?  
« Гдѣ ты, души моей супруга?  
« Увижу ль я швой свѣплый взоръ?  
« Услышу ль нѣжный разговоръ?  
« Иль суждено, чшобъ чародѣя  
« Ты вѣчной плѣнницей была,  
« И, скорбной дѣвою спарѣя,  
« Въ темницѣ мрачной опцвѣла?  
« Или соперникъ дерзновенный

« Придесть?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный;  
« Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,  
« Еще глава не пала съ плечь. »

Однажды, темною порою,  
По камнямъ берегомъ крупнымъ  
Нашъ випязь ѣхаль надъ рѣкою.  
Все ушихало. Вдругъ за нимъ  
Спрѣлы мгновенное жужжанье,  
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье  
И попопъ по полю глухой.  
Спой! грянулъ голосъ громовой.  
Онъ оглянулся: въ полѣ чиспомъ,  
Поднявъ копьё, лепишь со свиспомъ  
Свирѣпый всадникъ, и грозой  
Помчался князь ему на встрѣчу.  
« Ага! догналъ тебя! поспой! »  
Кричишь наѣздникъ удалой:  
« Гоповся, другъ, на смертну съчу;  
« Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;  
« А памъ ищи своихъ невѣснъ. »

Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ опть гнѣва;  
Онъ узнаешъ сей буйный гласъ...

Друзья мои! а наша дѣва?  
Оспавимъ випязей на часъ;  
О нихъ опяпъ я вспомню вскорѣ.  
А по давно пора бы мнѣ  
Подумапъ о молодой княжнѣ  
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечпы  
Наперсникъ иногда нескромной,  
Я разсказалъ, какъ ночью тѣмной  
Людмилы нѣжной красопы  
Опть воспаленнаго Руслана  
Сокрылись вдругъ среди шумана.  
Несчастливая! когда злодѣй,  
Рукою мощною своей  
Тебя сорвавъ съ поспели брачной,  
Взвился, какъ вихоръ, къ облакамъ  
Сквозь псяжкй дымъ и воздухъ мрачной,  
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —

Ты чувствъ и памяти лишилась  
И въ спрашномъ замкѣ колдуна  
Безмолвна, препенна, блѣдна,  
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей  
Такъ видѣлъ я, средь лѣпныхъ дней,  
Когда за курицей прусливой  
Сулманъ куряшника спѣсивой,  
Пѣпухъ мой по двору бѣжалъ  
И сладоспрашными крылами  
Уже подругу обнималъ ;  
Надъ ними хипрыми кругами  
Цыплятъ селеня спарый воръ,  
Пріавъ губипельныя мѣры,  
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,  
И палъ какъ молнія на дворъ.  
Взвился, лешипъ. Въ когпягъ ужасныхъ  
Во шму разсѣливъ безопасныхъ  
Уносишь бѣдную злодѣй.  
Напрасно, горесью своей  
И хладнымъ спрахомъ пораженный,

Зоветь любовницу пѣсньюхъ...  
 Онъ видить лишь лепучій пухъ,  
 Лепучимъ въпрямь занесенный.

До утра юная княжна  
 Лежала, шягоспнымъ забвеньемъ,  
 Какъ будпо спрашнымъ сновидѣньемъ,  
 Объята — наконецъ она  
 Очнулась, пламеннымъ волненьемъ  
 И смупнымъ ужасомъ полна;  
 Душой лепить за наслажденьемъ,  
 Кого-то ищеть съ упоеньемъ;  
 Гдѣ жъ, милый, шепчеть, гдѣ супругъ?  
 Зоветь и померпвѣла вдругъ.  
 Глядишь съ боязню вокругъ.  
 Людмила, гдѣ швоя свѣщлица?  
 Лежишь несчастная дѣвица  
 Среди подушекъ пуховыхъ,  
 Подъ гордой сѣнью балдахина;  
 Завѣсы, пышная перина  
 Въ киспяхъ, въ узорахъ дорогихъ;  
 Повсюду шкани парчевыя;

Играють яхонты, какъ жарь;  
Кругомъ курильницы злапыя  
Подъемлють ароматный парь;  
Довольно... благо мнѣ не нада  
Описывать волшебный домъ:  
Уже давно Шехеразада  
Меня предупредила въ помъ.  
Но свѣпый перемъ не опрада,  
Когда не видимъ друга въ нѣмъ.

Три дѣвы, красоты чудесной,  
Въ одеждѣ легкой и прелесной  
Княжнѣ явились, подошли,  
И поклонились до земли.  
Тогда неслышными шагами  
Одна поближе подошла;  
Княжнѣ воздушными перспами  
Злапую косу заплела  
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,  
И обвила вѣнцомъ перловымъ  
Окружность блѣднаго чела.  
За нею, скромно взоръ склоняя,

Попомъ приближилась другая;  
Лазурный, пышный сарафанъ  
Одѣль Людмилы спройный спанъ;  
Покрылись кудри золотыя,  
И грудь, и плечи молодыя  
Фашой, прозрачной, какъ туманъ.  
Покровъ зависпильный лобзаесть  
Красы, доспойныя небесъ,  
И обувь легкая сжимаесть  
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.  
Княжнѣ послѣдняя дѣвица  
Жемчужный поясъ подаесть.  
Межъ пѣмъ незримая пѣвица  
Веселы пѣсни ей поесть.  
Увы, ни камни ожерелья,  
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,  
Ни пѣсни леспи и веселья  
Ея души не веселятъ;  
Напрасно зеркало рисуесть  
Ея красоты, ея нарядъ;  
Пошупя неподвижный взглядъ,  
Она молчишь, она поскуесть.

Тѣ, кои, правду возлюбя,  
На темномъ сердца днѣ чинали,  
Конечно знаютъ про себя,  
Что если женщина въ печали  
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,  
На зло привычкѣ и разсудку,  
Забудеть въ зеркало взглянуть —  
То грустно ей ужъ не на шулку.

Но вопль Людмила вновь одна.  
Не зная, что начатъ, она  
Къ окну рѣшечашу подходитъ,  
И взоръ ея печально бродитъ  
Въ пространствѣ пасмурной дали.  
Все мертво. Снѣжныя равнины  
Коврами яркими легли;  
Споютъ угрюмыхъ горъ вершины  
Въ однообразной бѣлизнѣ,  
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;  
Кругомъ не видно дымной кровли,  
Не видно пупника въ снѣгахъ,  
И звонкій рогъ веселой ловли



Въ пуспынныхъ не прубишь горахъ;  
 Лишь изрѣдка съ унылымъ свисномъ  
 Буншуеть вихорь въ полѣ чисномъ,  
 И на краю сѣдыхъ небесъ  
 Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ опчаянья, Людмила  
 Опъ ужаса лице закрыла.  
 Увы, что ждешь ее шеперь!  
 Бѣжишь въ серебряную дверь;  
 Она съ музыкой опворилась,  
 И наша дѣва очушилась  
 Въ саду. Пльнипельный предѣль:  
 Прекраснѣе садовъ Армиды  
 И пѣхъ, копорыми владѣль  
 Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.  
 Предъ нею зыблюшся, шумяшь  
 Великолѣпныя дубровы;  
 Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,  
 И благовонныхъ миршовъ рядъ,  
 И кедровъ гордыя вершины,  
 И золотыя апельсины

\*\*

Зерцаломъ водъ опражены;  
Пригорки, рощи и долины  
Весны огнемъ оживлены;  
Съ прохладой вьепся вѣсперъ майскій  
Средь очарованныхъ полей,  
И свищеть соловей Кипайскій  
Во мракъ препешныхъ вѣшвей;  
Лепяшть алмазные фоншаны  
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;  
Подъ ними блещупъ испуканы,  
И, мнишся, живы; Фидій самъ,  
Пипомецъ Феба и Паллады,  
Любуясь ими, наконецъ  
Свой очарованный рѣзецъ  
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.  
Дробясь о мраморны преграды,  
Жемчужной, огненной дугой  
Валяшся, плещупъ водопады;  
И ручейки въ шѣни лѣсной  
Чупъ вьюпся сонною волной.  
Пріюшть покоя и прохлады,  
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и шамъ

Мелькають свѣшлыя бесѣдки;  
Повсюду розъ живыя вѣпки  
Цвѣтупъ и дышупъ по пропамъ.  
Но безушѣшная Людмила  
Идепъ, идепъ и не глядишъ;  
Волшебства роскошь ей посыла,  
Ей груспенъ нѣги свѣшлый видъ;  
Куда, сама не зная, бродишъ,  
Волшебный садъ крутомъ обходишъ,  
Свободу горькимъ давъ слезамъ,  
И взоры мрачныя возводишъ  
Къ неумолимымъ небесамъ.  
Вдругъ освѣшился взоръ прекраеный;  
Къ успамъ она прижала перспъ;  
Казалось, умысль ужасный  
Раждался... Спрашный пупъ опверспъ:  
Высокій моспикъ надъ попокомъ  
Предъ ней висипъ на двухъ скалахъ;  
Въ уныньи пѣжкомъ и глубокомъ  
Она подходишъ — и въ слезахъ  
На воды шумныя взглянула,  
Ударила, рыдая, въ грудь,

Въ волнахъ рѣшилась утонуть —  
Однако въ воды не прыгнула  
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,  
По солнцу бѣгая съ ухра,  
Успала, слёзы осушила,  
Въ душѣ подумала: пора!  
На правку съла, оглянулась —  
И вдругъ надъ нею сѣнь шапра,  
Шумя, съ прохладой развернулась;  
Обѣдъ роскошный передъ ней;  
Приборъ изъ яркаго кристалла;  
И въ пишинѣ изъ-за вѣпвей  
Незрима арфа заиграла.  
Дивишся плѣнная княжна,  
Но впайнѣ думаетъ она:  
« Вдали опть милаго, въ неволѣ,  
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?  
О ты, чья гибельная спросишь  
Меня перзаешь и лелѣешь,  
Мнѣ не спрашна злодѣя власишь:

Людмила умереть умѣешь!  
 Не нужно мнѣ пвоихъ шапровъ,  
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —  
 Не спану ѣспь, не буду слушать,  
 Умру среди пвоихъ садовъ! »  
 Подумала — и спала кушаць.

Княжна вспаешь, и вмигъ шапёръ,  
 И пышной роскоши приборъ,  
 И звуки арфы... все пропало;  
 Попрежнему все шихо спало;  
 Людмила вновь одна въ садахъ  
 Скипаешся изъ роци въ роци;  
 Межь пѣмъ въ лазурныхъ небесахъ  
 Плывешъ луна, царица ноци;  
 Находишь мгла со всѣхъ споронь  
 И шихо на холмахъ почила;  
 Княжну невольню клонишь сонъ,  
 И вдругъ невѣдомая сила  
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣшерокъ,  
 Ее на воздухъ поднимаетъ,  
 Несешъ по воздуху въ чертогъ,

И оспорожно опускаеть  
 Сквозь оиміамъ вечернихъ розъ  
 На ложе грусти, ложе слёзъ.  
 Три дѣвы вмигъ опяшь явились  
 И вокругъ нея засуешились,  
 Чѣмъ на ночь пышный снятъ уборъ;  
 Но ихъ унылый, смушный взоръ  
 И принужденное молчанье  
 Являли впайнѣ соспрананье  
 И немощный судьбамъ укоръ.  
 Но послѣщимъ: рукой ихъ нѣжной  
 Раздѣла сонная княжна;  
 Прелесна прелесью небрежной,  
 Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной  
 Ложися почивать она,  
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,  
 Скорѣй какъ можно удалились,  
 И тихо припворили дверь.  
 Чѣмъ жъ наша плѣнница шеперь!  
 Дрожишь какъ лиспъ, дохнушь не смѣешь;  
 Хладѣюшь перси, взоръ пемнѣешь;  
 Мгновенный сонъ опъ глазъ бѣжишь;

Не спишь, удвоила вниманье,  
Недвижно въ пемнопу глядишь...  
Все мрачно, мертвое молчанье!  
Лишь сердца слышишь препешанье...  
И мнишься... шепчешь пишина;  
Идушь — идушь къ ея поспелъ;  
Въ подушки прячется княжна —  
И вдругъ... о спрахъ!.. и въ самомъ дѣлѣ  
Раздался шумъ; озарена  
Мгновеннымъ блескомъ пма ночная,  
Мгновенно дверь опворена;  
Безмолвно, гордо выступая,  
Нагими саблями сверкая,  
Араповъ длинный рядъ идешь  
Попарно, чинно, сколь возможно,  
И на подушкахъ оспорожно  
Сѣдую бороду несешь;  
И входишь съ важносью за нею,  
Подъявъ величеспвенно шею,  
Горбатый карликъ изъ дверей:  
Его-то головѣ обришой,  
Высокимъ колпакомъ крышкой

Принадлежала борода.  
 Ужь онъ приближился: погда  
 Княжна съ поспели соскочила,  
 Съдаго карлу за колпакъ  
 Рукою быспрой ухватила,  
 Дрожащій занесла кулакъ,  
 И въ спрахъ завизжала шакъ,  
 Чпо всѣхъ Араповъ оглушила.  
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,  
 Княжны испуганной блѣднѣе;  
 Зажавши уши поскорѣе,  
 Хопѣль бѣжашъ, но въ борода  
 Запушался, упаль и бьешся;  
 Вспаешъ, упаль; въ такой бѣдѣ  
 Араповъ черный рой мяшешся;  
 Шумяшъ, шолкаюшся, бѣгущъ,  
 Хвапаюшъ колдуна въ охапку,  
 И вонъ распушывашъ несущъ,  
 Оспая у Людмилы шапку.

Но чпо-по добрый випязъ нашъ?  
 Вы помнише ль неждану встрѣчу?



Бери свой быспрый карандашъ ,  
 Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!  
 При свѣпть препенномъ луны,  
 Сразились вишязи жеспоко;  
 Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,  
 Ужъ копыя брошены далѣко,  
 Уже мечи раздроблены,  
 Кольчуги кровію покрыпы,  
 Шипы прецапть, въ куски разбипы...  
 Они схвапились на коняхъ;  
 Взрывая къ небу черный прахъ,  
 Подъ ними борзы кони бьются;  
 Борцы, недвижно сплешены,  
 Другъ друга списнувъ, оспаюся,  
 Какъ бы къ сѣдлу притвождены;  
 Ихъ члены злобой сведены;  
 Переплелись и коспенѣюпъ;  
 По жиламъ быспрый огонь бѣжипъ;  
 На вражьей груди грудь дрожипъ —  
 И вопъ колеблюся, слабѣюпъ —  
 Кому-шо паспъ... вдругъ вишязь мой,  
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой

Съ сѣдла наѣздника срываешъ,  
Подъемлешъ, держишъ надъ собой  
И въ волны съ берега бросаешъ.  
Погибни! грозно восклицаешъ;  
Умри, зависпникъ злобный мой!

Ты догадался, мой чипапешъ,  
Съ кѣмъ бился доблесный Русланъ:  
То былъ кровавыхъ бипвъ искапешъ,  
Рогдай, надежда Кіевлянъ,  
Людмилы мрачный обожапешъ.  
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ  
Искалъ соперника слѣдовъ;  
Нашелъ, наспигъ, но прежня сила  
Пипомцу бипвы измѣнила,  
И Руси древній удалецъ  
Въ пуспынѣ свой нашелъ конецъ.  
И слышно было, чпо Рогдая  
Тѣхъ водъ Русалка молодая  
На хладны перси приняла,  
И, жадно випязя лобзая,  
На дно со смѣхомъ увлекла,

И долго послѣ, ночью тёмной,  
Бродя близъ тихихъ береговъ,  
Богапыря призракъ огромной  
Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

